

Сергей Ковалев **Иуда Next**

Сергей Ковалев **Иуда Next (цикл «Сказки Безумного дервиша».)**

...согрешил я, предав кровь невинную. Они же сказали ему: что нам до того? Смотри сам.
Мф., 27.4

I. Пять лет

...— Юшечка, солнышко, ты почему не спишь до сих пор? А? Все хорошие детки уже давно спят. Смотри, — неприятно толстый как разваренная сосиска палец упирается в дальний угол. — Спаситель не любит непослушных детей. Не будешь спать, он тебя не пустит в Царствие Небесное...

Юшка смутно представляет, что такое Царствие Небесное. Мама часто говорит о нем, особенно когда сердится на кого-то — мол, этого человека в Царствие Небесное не пустят. Юшке оно представляется чем-то вроде кондитерского отдела в гастрономе и, одновременно, Луна-парка, в который его водил дядя Гриня год назад. Мама тогда сильно рассердилась на дядю Гриня и обещала, что он в Царствие Небесное точно не попадет. Но дядя Гриня совсем и не расстроился — еще бы, ведь он мог ходить в Луна-парк хоть каждый день!

Спаситель на толстой доске, стоявшей на полочке в углу Юшкиной комнаты, смотрел на него большими грустными глазами. Мальчику не верилось, что этот дяденька добрым печальным лицом может на него рассердиться. Мама часто читала Юшке «Детскую Библию» с картинками, поэтому он знал: грустного дяденьку зовут Иисус, он добрый, его убили злые римляне. Юшке жаль Иисуса: он плачет каждый раз, когда мама читает про его казнь.

II. Семь лет

— Меня зовут Юшка!!!... — голос срывается на противный мышиный писк. Вокруг — белесые пятна пляшущих лиц.

— Иоанн, Иоанн, мы насым тебе в карман!!!

Хор приплясывает вокруг, издевательски кривляясь. Он беспомощно сжимает кулаки: драться не с кем — против него одновременно и весь класс и — никто. Одноклассники сливаются в единый безликий организм, в мерзкую завывающую массу ...

Ну почему, почему мама назвала его таким дурацким именем?!! Раньше ему не приходило в голову, что имя у него дурацкое. С самого детства все звали его Юшкой, и только в школе он узнал: его полное имя — Иоанн. Не Иван, а Иоанн. Как объяснила мама, в честь какого-то другого Иоанна — ученика Спасителя.

От этого было чуть-чуть легче. Иисус наверняка не дразнил своего ученика и другим не позволял.

Но лучше бы его все-таки называли Иваном!

III. Восемь лет

— Ах ты, дрянь!!!

Тяжелая ладонь обрушивается на щеку. Юшка не может удержаться на ногах и больно ударяется спиной о стену.

— Дрянь! Дрянь! Грязный грешник! — мать надвигается на него неудержанной массой,

сочащейся гневом.

Юшка даже не помышляет о сопротивлении или бегстве. Он, правда, не понимает, что ужасного в том, что они с Машей – одноклассницей Юшки – сняли трусики и рассматривали друг друга... Они ведь не делали ничего плохого! Просто он очень удивился, узнав, что Маше нужно присесть на корточки, и спросил, зачем она так делает. В тот момент, когда Маша показывала ему зачем – тут их и застали.

Юшка безумно испугался дворника – от испуга он сразу сказал, где живет, и всю дорогу, пока тот волок его за болезненно заломленную руку, мечтал только о том, что сейчас мама спасет его от сумасшедшего дядьки. Мама и впрямь сначала заорала на дворника, но когда тот рассказал, за каким занятием застал Юшку с Машей, вдруг замолчала и посмотрела на сына словно на какое-то отвратительное насекомое. Этот взгляд убедил его, что они делали что-то гадкое, запретное, а потому Юшка безропотно терпел побои и лишь тихо скулил:

– Мамочка, пожалуйста, прости меня, мамочка, прости...

И потом, когда мать притащила его в угол к иконе и буркнула: «У него прошиения!» – он так же бессвязно молил: «Прости меня, боженька, прости, пожалуйста... пожалуйста, прости меня...»

Спаситель смотрел на него большими грустными глазами, и Юшке было невыносимо стыдно неизвестно от чего...

IV. Пятнадцать лет

– Ну ты, чё ты там увидал? Давай быстрее – тару не томи! – Петька пихает его под локоть так, что Юшка невольно глотает вонючую жидкость одним махом и натужно кашляет от обжигающей волны, мгновенно обволокшей рот, горло, желудок.

– Кончай ты, обсос пэтэушный! – Машка пинает Петра в голень армейским говнодавом и заглядывает в слезящиеся от кашля глаза Юшки. Протягивает пластиковую бутылку с кока-колой. – На, запей! Первая всегда тяжело идет.

– Да ладно тебе, Белка! – Петр потирает ушибленную голень и обиженно хмыкает. – Чё ты нянчишься с этим придурком? На хуя ты его вообще притащила сюда? Он же лох!

– Сам ты лох! Мы с ним в одном дворе выросли, в одном классе учились... – Машка пытается вспомнить еще какие-нибудь достоинства Юшки, не находит, и потому выкладывает «козырь»: — Ты, бля, Рыжий всю жизнь будешь на заводе вкалывать, как твои старики, а Иоанн выучится, и в банке адвокатом будет работать. На черном мерсе на работу ездить!

– Ага! – Ржет Петька, – а ты, небось, думаешь у него женой устроишься?

– А вот и устроюсь! – Машка зло щурится. – Прямо сейчас и устроюсь! Пошли, Юшка!

Она тащит обалдевшего Юшку в соседнюю комнату. В полуразвалившемся доме еще оставалось несколько комнат с целыми полами. В одной из них местная шпана, с которой пытается подружиться Юшка, построила из ящиков и матрасов что-то вроде кровати. Водка, выпитая Юшкой впервые в жизни, оглушает: мысли ползут по внутренней поверхности черепа вялыми тараканами. Он позволяет Машке усадить себя на «кровать», забраться к нему на колени, лицом к лицу; он механически кладет руки на упругие бугорки под ее розовым топиком с портретом кота Леопольда.

– Ну же? Ты чего? – Маша берет его лицо в ладони и касается его рта губами: это приятно, и Юшка пытается ответить. Машка отстраняется и смеется. – Ты что, никогда не целовался?

– Я иконы целовал... в церкви...

– Иконы?!! В церкви?!!! Ой, не могу!!! – Машка скатывается с него на матрас и катается, повизгивая от неудержимого смеха. – Ну, ты сказал!!! Ой, умора!!!

Отсмеявшись, она остается лежать на спине, не пытаясь поправить задравшуюся до самого пояса юбку. Юшка не может оторвать глаза от голых ног и треугольника трусов

между ними. Маша усмехается и, нарочито извиваясь, стягивает их вниз...

— Придурок!!! Импотент!!! Ну и проваливай к своей ебанутой мамочке!!!

Юшка, вжимая голову в плечи, выбегает туда, где продолжают пить его новые знакомые: Петр, Яшка и еще несколько каких-то ребят постарше – их имен он не запомнил. Петр смотрит на него презрительно, кладет на древнюю тумбочку, заменявшую стол, свой бутерброд, и решительным шагом направляется в комнату, где продолжает орать что-то невыносимо обидное Маша. Юшка растерянно смотрит ему в спину и чувствует себя несчастным. Абсолютно. Полностью. Раздавленным. Оставшиеся в комнате смотрят на него с насмешливым презрением. Как объяснить им... Как объяснить ей, что дело не в физической слабости? Как объяснить, что он вдруг отчетливо осознал: сейчас совершится непоправимый грех, от которого душа его будет навеки погублена? Как объяснить, что вот прямо сейчас они... да-да, отдают душу Дьяволу, и что он ясно видит перед собой глаза Спасителя, скорбящего об их участи? Он хочет убежать, но Яшка неожиданно удерживает его, усаживает рядом, наливает в стакан водки.

— Не переживай. В первый раз бывает. А Белка – стерва. Но вообще... она хорошая. Не обижайся на нее, просто... ей тоже плохо, вот она на всех и кидается. Ты выпей, тебе надо сейчас...

Юшка послушно опрокидывает стакан и его передергивает от нового обжигающего потока. В голове неожиданно проясняется. Мысли не просто четкие – они кристально отчетливы. Он не должен был бежать от них. Он может их спасти...

— Слушай, а это у тебя погоняло такое – Юшка? – Яков протягивает ему бутерброд Петра. – Я когда в деревне у бабки был, слышал там это слово. Так там кровь называют. Только с чего у тебя такое козырное погоняло, не пойму?

— Меня так в детстве звали. Уменьшительное от Иоанн.

— Иоанн?

— Меня зовут Иоанн. – Юшка выпрямляется. Ставит на стол стакан. Смотрит в глаза Якову, в глаза двум оставшимся парням. – Меня зовут Иоанн. И я буду говорить к вам от имени Его...

V. Двадцать два

Он болтается в простенке между сидениями, вцепившись в скользкий металлический поручень, с трудом сопротивляясь натиску толпы. Кажется, отдельные люди, заходя в вагон метро, поглощались единым организмом, усиливая собою массу, силу и ненависть этой амебы. Иоанн ненавидит метро, но продолжает ездить в подземке в институт, несмотря на то, что может позволить себе купить машину или ездить на «бомбилах». Год назад они с парнями начали свой бизнес по ремонту автомобилей и дела уверенно шли в гору. Иоанн бездарен во всем, что касалось двигателей, кузовов и прочего «железа», зато его интеллигентная внешность и умение убеждать делает его великолепным менеджером. Даже Петр, с самой первой встречи проникшийся какой-то мутной, чуть ли не классовой ненавистью к «мажору», в конце концов вынужден смириться – Иоанн регулярно приводит в их гараж особо «жирных» клиентов.

Его «пристрастие» к метро знакомые считают блажью, а друзья-подчиненные-ученики – смирением. Ни кто не знает о том, что случилось год назад.

Иоанн тогда еще ездил под землей по необходимости, с трудом снося прикосновение раскаленной вонючей толпы. Он не сразу осознал, когда именно толпа перед ним вдруг перестала быть толпою – от нее отделился один человек. Наверное, чуть старше Иоанна. С длинными, собранными в «конский хвост», волосами и небольшой аккуратной бородкой. С большими грустными глазами, которые Иоанн мельком увидел в черноте окна перед собой – парень стоял к нему спиной... Прижался к нему спиной... Иоанн задохнулся от неожиданного жара в том месте, к которому он стыдливо прикасался лишь в туалете да в душе. Вагон качало, ягодицы неизвестного парня терлись о живот Иоанна; он покрылся

потом. Весь. Когда же вагон качнуло в очередной раз, Иоанн вонзил зубы в ладонь, чтобы не выдать себя криком. На очередной остановке парень вышел из вагона; Иоанн рванулся за ним, прикрывая мокрое пятно на брюках барсеткой, но быстро отстал. Остановившись посреди зала на «Пушкинской», он закрыл лицо руками и разрыдался, не обращая внимания на испуганно шаражающихся в сторону пассажиров. Осознание чудовищности греха, только что сотворенного им, смешивалось безумным коктейлем с испытанным удовольствием; боль же в прокущенной до крови ладони была одновременно и желанным наказанием за грех, и желанным удовольствием. Иоанн понял, что не сможет рассказать о происшедшем даже на исповеди. Он поклялся себе, что больше ни за что не сядет в переполненный вагон, не иначе как самим Сатаной придуманным дабы побуждать ко греху...

Конечно, он не выполнил этой клятвы.

Не все поездки были «удачными» – иногда вагон был не на столько полон, чтобы незаметно прижаться к «объекту»; иногда вокруг словно в насмешку прессовались отвратительно толстые и старые М/Ж.

Он осмелел, и уже не ограничивался «случайными» прикосновениями, за что его несколько раз очень сильно били. Этим случаям он придавал особое значение, принимая боль от побоев и унижение как искупление греха. В такие минуты перед ним отчетливо сиял лик Спасителя: его добрый, всезнающий, всепрощающий взгляд.

VI. Двадцать пять

Менеджер зала радостно распахивает объятия и скалится в дежурной улыбке. Он знает Иоанна (давно определил его в «робкие дочери»), но дорогой прикид клиента и расточительные чаевые заставляют тщательно скрывать презрение к трусу. Иоанн приходит в этот клуб регулярно – два-три раза в неделю, делает вид, что увлечен шоу. Исключительно с эстетической точки зрения, разумеется.

«Расскажите это моей бабушке! – ехидно говорит каждый раз официантам менеджер. – Пиздюлюб получает удовольствие от мужского стриптиза?!! Ха-ха!!!»

Иоанн знает, что над ним втихую смеются, презирают… Он и сам себя презирает. Не за то, правда, что скрывает свою ориентацию, а за нее саму. Перечитанные горы книг на эту тему, несколько трусливых разговоров с входящими в моду психоаналитиками «о друге, у которого такая проблема» – все это так и не убедило его в своей нормальности.

Уж и статью соответствующую в УК отменили… Гей-культура льется сквозь телекраны и радио-колонки; «голубые» вошли в моду… Только вот Спаситель продолжал смотреть с полочки грустным осуждающим взглядом. Словно Иоанн предал его. И от этого взгляда Иоанну трудно говорить со своими учениками – с Яшкой, Матвеем, Машкой, Петром – повзрослевшей шпаной, его командой, его апостолами. Он называет их «своими апостолами» только иногда, и – мысленно, пугаясь своей непомерной гордыни. На самом деле, конечно же, они – Его апостолы, а Иоанн просто готовит почву для Его возвращения. Об этом он говорит своей команде постоянно. Ему не особо верят, вернее – верят, но по-разному. Яшка, например, верит самозабвенно и искренне, он – любимый ученик Иоанна. Петр, напротив, рычит и плюётся, стоит Иоанну завести разговор о Втором Пришествии, но ведь все равно слушает весть до конца. Остальные колеблются между этими двумя «полюсами»: то зачарованные мастерскими проповедями Иоанна, то отрезвленные язвительными комментариями Петра. Тем не менее, Иоанн чувствует – вместе их держит не только бизнес.

В последнее время, правда, проповеди становятся все более невнятными, да и проповедует Иоанн все реже. Он давно сомневается, что имеет право говорить от имени Его, будучи таким грешником. Ежедневно он раскаивается и обещает себе, что завтра же пойдет на исповедь и смиленно примет любую епитимию. Но на следующий день вновь садится в вагоне метро, прижимается к очередной юношеской спине, а вечером идет в клуб… Парадоксально, но при том он продолжает ждать знака, некоего события, которое

подтвердит его избранность и право готовить этот мир к приходу Спасителя.

VII. Тридцать один

Этого человека он замечает сразу. Бросаются в глаза длинные светлые волосы: не собранные в хвост, а бесстрашно рассыпанные по плечам. Но еще раньше Иоанн видит сияющий крест – во всю спину незнакомца. Он, потрясенный, застывает на пороге и лишь прикосновение менеджера зала возвращает его к реальности. Первый шок проходит: он осознает, что сияющий крест – всего лишь прихотливо преломленный оконным переплетом луч вечернего солнца. Но это уже совершенно не важно – Иоанн понимает, что получил, наконец, Знак.

Незнакомец, почувствовав взгляд Иоанна, оборачивается. Да, он не ошибся! У человека за стойкой тонкое одухотворенное лицо, большие грустные глаза и проникающая в самое сердце простодушная улыбка. Лицо, которое он столько раз видел на иконе.

– Здравствуй, я так долго искал тебя! – Иоанн в восторге захлебывается словами.

– Меня? Ты уверен, что не ошибся? – Незнакомец... хотя, какой же незнакомец! – Иисус удивленно улыбается. – Мы, кажется, не представлены.

– Мое имя – Иоанн!

– Вот как? Совсем как Иоанн Креститель, да? – Иисус улыбается еще шире. – А ты смелый, раз выбрал такое имя!

– Это оно выбрало меня, Учитель! – Иоанн склоняется в низком поклоне.

– О, это мне нравится! – Иисус смеется журчащим смехом и залпом допивает коктейль.

– Что же, проводи меня в свой дом – я хочу многому тебя научить.

На улице Иоанн ловит такси, и они несутся сквозь летний вечер на юго-запад, вон из Москвы, туда, где Иоанн и его (пока еще его) апостолы снимают дачу в небольшом поселке. Это была идея Марии, но теперь Иоанн понимал, что через нее говорил сам Спаситель, предугадавшая свое пришествие – гораздо проще застать всех апостолов на даче, чем собирать по их городским квартирам.

Вот и дача. Спаситель в машине разомлев, Иоанн, не глядя, бросает водителю несколько крупных купюр, подхватывает Учителя и, почти на руках, тащит его в дом.

Наружная дверь не заперта. Еще с веранды Иоанн слышит разноголосый хор, подпевающий какому-то хриплому голосу, немузыкально жалующемуся из магнитофона о том, что он «честно свой срок отмотал».

Иоанн хмурится. Не так представлялась ему первая встреча Учителя и его апостолов!

Иоанн толкает внутреннюю дверь и входит, поддерживая под руку Иисуса, которого, похоже, окончательно развезло от выпитого в клубе. Обведя взглядом замолчавших апостолов, он удивленно спрашивает:

– Малыш, почему ты меня не предупредил, что будет большая компания?

– Это не компания, Учитель, это твои ученики!

Ученики выглядят совсем не благостно. Пьянка, судя по всему, продолжается уже давно; пустые бутылки разбросаны по всей комнате, в воздухе стоит характерный запах травки. Иисус принюхивается:

– Какие милые мальчики! Конечно, я буду вас учить. С удовольствием! Только мне надо на минутку уединиться!

Он, покачиваясь, выплывает в открытую дверь. Апостолы молча смотрят ему вслед. Первым подает голос Яшка.

– Кто это такой?

– Ты что, не понял? – глаза Иоанна вдохновенно блестят – Это же ОН!!!

– Кто?

– Это Спаситель! Он, наконец, пришел!!!

– Пиздец, белая горячка. – Петр вылезает из кресла, пересекает комнату и заглядывает в дверь, за которой скрылся Иисус. – Что за пидовку ты притащил сюда, кретин?

— Как ты смеешь! — Иоанн задыхается от гнева. — Это же Иисус!!! Мы же так его ждали все это время!!!

— Это ты его ждал, придурок! И притащил в дом первого попавшегося педика!

— Ты с ума сошел... — Иоанн растерянно смотрит на апостолов. Они прячут глаза, только Петр смотрит на него с бешенством, да Яков — с недоумением и робкой надеждой, будто все сейчас объяснится и само собой разрешится. — Это Иисус. Он вернулся...

В этот момент Иисус действительно возвращается: на нем никакой одежды, только вокруг бедер обмотано полотенце. Он улыбается лучезарной улыбкой, от которой все сомнения Иоанна мгновенно улетучиваются.

— Я понял! У нас тут будет Тайная Вечеря, я прав? Как оригинально! Только вот заменять вино водкой — это дурной вкус...

Договорить он не успевает — Петр молча бьет его в челюсть; Иисус отлетает к стенке, ударяется об нее головой и медленно заваливается на бок.

— Выкинь ЭТО отсюда. И сам убирайся.

— Ты сошел с ума!!! — Иоанн, плача, бросается к поверженному богу, обнимает, пытается привести в чувства. Гневно смотрит на Петра: — Не ведаешь, что творишь! В сердце твоем нет веры, потому смотришь глазами, слепыми от ненависти...

— Заткнись! — Петр смотрит на апостолов и усмехается. — Если ты так веришь в своего Иисуса, то его надо распять — все равно воскреснет...

— Петь, прекрати... — Мария пытается обнять Петра и увести в другую комнату. — Ну его, этого психа! Не заводись...

— Иди на хуй, сучка! — Петр отбрасывает Марию назад в кресло и подходит к плачущему Иоанну. — Ну? Испытаем твоего Иисуса?

VIII. Exit

Петр и Матвей наскоро сооружают крест из бревен, остальные помогают вытащить его на середину участка, выкапывают неглубокую яму, но, постепенно пропретев, бросают «работу» и опасливо жмутся к дому. Иоанн смотрит на «своих апостолов» со скорбью и жалостью — в них совсем нет веры. Все они оказались фомами неверующими, которым обязательно нужно вложить пальцы в раны, дабы понять очевидное... Ну что ж... Значит, иначе никак.

Когда руки Иисуса стали привязывать к перекладине, он приходит в себя. Сразу трезвым. Моментально понимает, что происходит. Дергается, извивается, пытаясь освободиться, но крест получился крепким, веревки держат надежно.

— Ничего, Учитель, все равно это должно было произойти, пусть произойдет сейчас. И Царствие Твое воссияет прямо здесь, без промедления.

— Эй! Что ты делаешь! Отпусти меня! — Иисус испуганно смотрит на четыре здоровенные гвоздя, лежащих на траве у самого его лица.

— Не надо испытывать мою веру, Учитель. Она крепка. — Терпеливо поясняет Иоанн, забирая у Якова молоток. — Но твои апостолы оказались маловерами. Им нужно подтверждение.

— Что ты несешь?!? Какие, на хер, апостолы?!!! — Иисус изворачивается и кричит стоящим в стороне апостолам: — Помогите!!! Не стойте же просто так! Помогите мне!!!!

— Ну, все, хватит! — Петр пинает Иисуса в бок и зло смотрит на Иоанна. — Теперь убедился, что это никакой не бог? Отпусти его, пошли пить.

— Отойди! — Иоанн вскакивает и угрожающе поднимает молоток. — Отойди, Петр! Мать меня предупреждала, что ты был слаб в вере и трижды отрекся от Учителя! Ты всегда ненавидел меня, потому что завидовал мне! Тебе было мало того, что ты спиши с Марией, тебе хотелось занять мое место!!! Но это — мое место по праву, я привел Спасителя в этот мир! Отойди и узри торжество Его!

— Ты совсем спятил... — Петр отступает, испуганный не столько молотком, сколько

яростью, с которой выкрикивает свои обвинения Иоанн. – Ты спятил! Это же просто какой-то несчастный педик! Ты его убьешь, и тебя посадят. И нас заодно!

– Он воскреснет через три дня!!! И придет Царствие Его!!! И воссядет он на Трон подле Отца и Матери своих!!! – Иоанн хватает гвоздь и начинает вколачивать в ладонь Иисуса. Тот визжит тонким фальцетом, извивается всем телом, однако освободиться не может.

Мария сгибается, зажав уши ладонями, ее рвет; несколько апостолов бросаются к Иоанну, но он отгоняет их, бешено размахивая молотком и зажатыми в руке гвоздями. Потом исступленно воет и вколачивает оставшиеся гвозди в левую ладонь, в голени Иисуса. На третьем гвозде тот затихает...

– Все... хватит... – он чувствует на плече чью-то руку. – Хватит... Юшка...

Он оборачивается. Мария. Лицо ее, перечеркнутое потекшей тушью, но совершенно спокойно. Как на иконах. Она сжимает его плечо и тянет прочь от распятого. – Пойдем. Оставь его.

– Надо еще установить крест...

– Не надо. Он уже умер.

Иоанн смотрит на тощее тельце, растянутое на перекладине. Закинутую голову с распятым в безмолвном крике ртом и вылезшими из орбит глазами. Что-то не так. В распятом нет ни величия, ни благости, которые он привык видеть на изображениях распятия.

– Но он воскреснет...

– Пойдем. Юшка... Он не воскреснет. Пойдем...

Милицейский уазик пробился через пробки только через два часа. Все это время Иоанн сидел возле распятого и пытался молиться, но у него не получалось – он напрочь забыл слова. Мария несколько раз пыталась увести его в дом, но он оставался неподвижен.

Когда его сажали в машину, он обернулся к апостолам и произнес:

– Мое имя не Иоанн.

Это же он повторял и на допросах. Адвокат настоял на экспертизе его психического состояния; впрочем, следователь особо не спорил – видимо тоже считая его безумцем.

В клинике его приняли как безобидного умалишенного и потому не уследили: он же сумел скрутить из больничной одежды веревку, привязать один конец к спинке кровати и удавиться, стоя на коленях.

Сначала заподозрили других пациентов, но позже на тумбочке нашли его записку:

«Согрели я, предав кровь невинную...»

«Сказки безумного дервиша», Москва. 2006 г.